

по обыкновенію Жюль Симонъ. Жюль Ферри доказывалъ, что рѣшенія обѣихъ палатъ въ отдѣльности будутъ обязательны для конгресса, если не по праву, то фактически, въ силу состава общаго республиканскаго большинства. Сенатъ рѣшительно возражалъ только противъ одной статьи министерскаго проекта,—относительно ограниченія контролирующей власти сената въ финансовыхъ и бюджетныхъ вопросахъ. Такъ какъ безъ вліянія на бюджетъ парламентъ былъ бы въ сущности безсиленъ, то наиболѣе упорныя возраженія вызваны были именно этимъ финансовымъ вопросомъ. Правительству пришлось послѣ долгихъ преній отказаться отъ пересмотра бюджетныхъ правъ сената, и въ такомъ видѣ проектъ былъ одобренъ послѣднимъ.

Никто не скажетъ, что исправленіе конституціи было въ этомъ случаѣ необходимо, что оно устранило какое-либо важное зло или облегчило успѣшный ходъ законодательства; перемѣна останется едва замѣтною для большинства французскаго населенія. Перемѣна была нужна не столько для непосредственныхъ практическихъ цѣлей, сколько для удовлетворенія особаго эстетическаго чувства французовъ въ области политики,—чувства, оскорбляемаго малѣйшею дисгармоніею или недостаткомъ симметріи въ государственномъ строѣ. Республиканцамъ нужно было просто самое сознаніе совершившейся перемѣны,—сознаніе того, что нѣкоторыя оставшіяся шероховатости, бросавшіяся имъ въ глаза, не будутъ болѣе беспокоить ихъ нервные политическіе темпераменты. Многіе не могутъ до сихъ поръ примириться съ двумя палатами только потому, что эта система не соотвѣтствуетъ идеалу единства, національнаго и политическаго; они полагаютъ, что единая Франція должна имѣть единую палату народныхъ представителей, воплощающую въ себѣ цѣликомъ единую народную волю. Дѣлится народное верховенство между двумя собраніями — кажется какъ-будто произвольнымъ, ненормальнымъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ; это напоминаетъ французамъ какъ-бы разломанное на двое зеркало, въ которомъ отраженіе получается кривое, уродливое. Практическіе доводы играютъ лишь второстепенную роль въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ; французскіе радикалы, какъ и консерваторы,—прежде всего люди принциповъ, а принципы диктуются главнымъ образомъ отвлеченною логикою и чувствомъ красоты. Стройность и изящество политическаго зданія цѣнятся нерѣдко выше осязательныхъ общественныхъ выгодъ; отчасти по этой причинѣ имѣетъ такъ мало успѣха во Франціи идея мѣстнаго самоуправленія и децентрализаціи: французы, даже самые передовые, боятся инстинктивно, что нарушеніе